

Демократия

Отношение анархистов к демократии всегда было неоднозначным. Причина заключается в неравенстве прав, которое регулирует демократия. Многие анархисты утверждают, что даже в подлинно либеральных режимах, где демократия отстаивается как ценность и как процесс, она служит, по сути, репрессивным целям. К этому аргументу прибегали Яррос и платформисты. В тексте «Платформы» в разделе «Отрицание демократии» проводится различие между либеральными принципами демократов и реальным функционированием демократических институтов. Демократия провозглашает «свободу слова, печати, организаций, равенство всех перед законом», но «оставляет в неприкосновенности принцип частной капиталистической собственности». Таким образом, она предоставляет «буржуазии право держать в своих руках всю экономику страны, всю прессу, образование, науку, искусство». Демократия «является одним из видов буржуазной диктатуры, замаскированной обманными формулами фиктивных политических свобод и демократических гарантий»[317].

Сомнения анархистов также объясняются принципом представительства, которым руководствуется демократическое правительство. Джордж Вудкок отвергал представительство на том основании, что оно требует от людей отказаться от «суверенитета». «Ни одна концепция анархизма не является настолько далекой от истины, как та, что рассматривает его в качестве крайнего проявления демократии», — утверждал он. Если демократия «защищает суверенитет народа», то анархизм «защищает суверенитет личности». Представительство поощряет в людях инфантильность и оказывает на них давление. К гражданам относятся как к существам, неспособным определять собственные интересы, и принуждают соглашаться с суждениями тех, кто якобы лучше в этом разбирается. Представители принимают решения за избирателей, даже будучи наглухо отделенными от них этажами власти. «Не от моего имени!» («Not in my name!») — ставший уже привычным лозунг, который объединяет всех, кто считает себя ущемленным результатами тех или иных стратегических решений. Описывая анархистскую критику, лежащую в основе этого недовольства, Вудкок обращается к Прудону: «Всеобщее избирательное право — это контрреволюция»[318]. Интерпретация данного тезиса Солом Ньюманом состоит в том, что представительство основано на понятии рационального консенсуса, которое идет вразрез с «осознанной» автономностью. Людям приходится принимать рациональность правил, к созданию которых они не имеют отношения и на которые никак не могут повлиять, а следовательно, и справедливость норм, законов и методов, обеспечивающих их соблюдение. Представительство рассматривает индивида как самостоятельное существо, однако фактически лишает его всякой возможности открыть для себя творческие практики «самореализации»[319].

Нормализация либеральной демократии, начавшаяся в 1945 году на фоне ослабления демократии, определявшейся западной системой правления, побудили некоторых анархистов пересмотреть эти критические замечания. Они пытались спасти сам принцип демократии от институционального вырождения в либеральном капиталистическом

государстве. Ноам Хомский критикует капиталистическую демократию не только за то, что она отвлекает внимание от концентрации власти в руках корпораций, организационно закрепляет раскол между лидерами и реализуется посредством условной предвыборной борьбы, и даже не за то, что ее успех в США благословил систему международного государственного терроризма и эксплуатации. Основная его мысль состоит в том, что капиталистическая демократия «производит согласие» посредством контроля над СМИ и пропаганды. Согласно его анализу, демократия — это мощный фактор народного самоуправления, который был заимствован и коррумпирован элитами с целью сохранения власти меньшинства. Заявляя, что либерально-демократические режимы сдерживают, а не защищают, демократию, Хомский отстаивает идею свободного народного самоуправления и выступает за расширение демократии на низовом уровне — на рабочих местах, в школах и других общественных учреждениях[320].

Аналогичным образом анархисты, участвовавшие в глобальных движениях за справедливость в нулевых годах нашего века, описывали представительное правительство, избирательный процесс, периодические свободные и справедливые выборы и само всеобщее избирательное право для взрослого населения как нечто элитарное и иерархическое. Вместе с тем они относили себя к демократам и старались продвигать характерные формы «реальной демократии». Как утверждает Ребекка Солнит, настоящая демократия означает, что «голос есть у каждого и что никому ничего не сходит с рук лишь на основании богатства, власти, принадлежности к определенной расе или полу»[321]. С этой точки зрения либеральная демократия работает плохо. Еще хуже она проявляет себя в вопросе терпимости к инакомыслию. Проводя различие между демократией и диктатурой, Солнит утверждает, что наличие формальных прав является одним из признаков демократии, в отличие от которой диктатура означает запрет на «массовые митинги и создание групп». Однако сами права не являются конечной целью демократии — она должна проявлять себя прежде всего в «реальной, осязаемой жизни». Приверженцы либерально-демократических систем защищают «свободу слова, печати и вероисповедания» и даже право на проведение митингов, однако они склонны забывать о динамических аспектах демократии[322]. Такая забывчивость хорошо иллюстрирует то, что либеральная демократия незаметно переходит в диктатуру, а это уже дает стимул для подлинной демократии. Подлинные демократы (сторонники не представительной, а прямой демократии полисного типа) знают, что «демократию следует методично и активно развивать» и что «жизнь масс... энергия улиц... неизменно присутствующий там потенциал восстания» — ее основные составляющие.

Хотя такое переосмысление демократии созвучно с ее критикой, оно обеспечивает более надежную защиту базовых демократических принципов. В этом свете анархисты оказываются продемократическими критиками либерально-демократических режимов, а вовсе не противниками демократии. Коммунализм Мюррея Букчина — одна из наиболее известных продемократических анархических моделей. В последнее время центральное место в суждениях анархистов о демократии заняла идея принятия решений на основе консенсуса, во многом потому, что такая практика широко применялась в рамках движения Оссиру.

Букчин понимал демократию как принцип самоуправления и коллективного принятия решений, являющийся неотъемлемой частью анархистской модели децентрализованной федерации, а с точки зрения этики — процессом социального освобождения. Для

сторонников принятия решений на основе консенсуса демократия, по сути, является действием, направленным против элитизма и бросающим вызов иерархии и привилегиям с целью построения новых социальных отношений. Иначе говоря, это практически синоним анархии, а не ее компонент.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:49:24

Зверобой обновил 11 апреля 2025 15:50:14